

Речь благородного юноши только замолкла, как оживлённый шум за пределами Долины Хаожань тут же стих, оборвавшись с удивительным единодушием. Хотя здесь собралось больше сотни людей, какое-то время никто не решался нарушить тишину, словно не желая тревожить даже малейший отблеск благородства и справедливости, что текли в жилах героев и храбрецов из прошлых историй. Снаружи Долины Хаожань воцарилась абсолютная тишина — слышно было лишь то, как ветер кружит облака и туман, а ветви деревьев раскачиваются, словно вторя то ли скорбной песне, то ли боевому кличу.

С давних времён благородные герои и рыцари неизменно вызывали всеобщее восхищение и тоску. Тем более такой несравненный великий герой, как Чжао Фаньсюань, спасший цзянху от смертельной опасности.

Чжао Цзиньань на мгновение погрузилась в задумчивость, и тень на её лице сменилась ярким светом. В её глазах невольно промелькнуло благоговейное восхищение, и она произнесла:

— Овладеть величайшим боевым искусством, основать Долину Хаожань, а когда в цзянху воцарится мир — уйти в уединение вместе с любимой. И в час смертельной опасности для боевых искусств, презрев насмешки ничтожных людей, вновь обнажить меч и выйти в свет. Старый старший Чжао обладал истинно рыцарским сердцем и сполна заслужил звание героя. Время пролетает мгновенно, человеческая жизнь так коротка, но если прожить её так, то проживешь её не зря.

Эти слова были сказаны очень тихо, так, что их можно было принять за ни к кому не обращённое бормотание наедине с собой. Но именно в этой звенящей тишине, когда сотни людей, казалось, отчетливо слышали биение собственных сердец, её голос прозвучал особенно отчётливо. Каждое слово точно упало на слух каждому присутствующему, пронзая резкий и гордый ветер, — чётко и глубоко, отзываясь ударом в каждом трепещущем пульсе.

Толпа ещё была погружена в неизъяснимую скорбь и не успела прийти в себя, как благородный юноша из роскошной кареты отреагировал быстрее всех. В его ленивом, чарующем голосе послышалось лёгкое восхищение, и он звонко рассмеялся:

— Ха-ха-ха... Подумать только, в этом необъятном цзянху никогда не переводились герои боевых искусств. Смотришь на кипящие бури и смену поколений, и все говорят, что тела и кости мертвецов лишь покупают вздох почтения и трепета, а бурные волны прошлого в конце концов смиряются и затихают. Конец пути героя неизбежно заставляет людей погрузиться в скорбную меланхолию. Но нынче слова юной девы необыкновенны и полны свежего смысла: пусть бушует холод, пусть всё рушится — неизменным остаётся лишь чистое сердце, ради героической добродетели и рыцарского долга! Если жизнь такова, то зачем цепляться за что-то ещё? Ха-ха, барышня поистине обладает истинным характером мастера меча — ясна и свободна!

Юноша изначально полагал, что, услышав о кончине старого главы долины Чжао, Чжао Цзиньань не сможет не предаться скорби и печали, и в ней даже проснутся присущие юным девушкам сентиментальные настроения, заставляющие оплакивать великого героя, которого она носила в сердце, но с которым уже никогда не встретится. Однако он никак не ожидал, что эта шестнадцатилетняя яркая и ослепительная девушка не станет безудержно и горько рыдать или вздыхать об уходе героя, а, напротив, проникнется искренним восхищением и восторгом

перед такой жизнью.

Брeнная плоть может согнуть, предания — кануть в Лету. И дело даже не в десяти годах — пройдут сотня или тысяча лет, и в масштабах Вселенной это покажется лишь мимолётной дремотой божества. Разве есть здесь повод для сожалений или вздохов? Но даже краткий миг рыцарской доблести способен оставить после себя сияние на всю жизнь: пусть он и короток, но простирается в вечность.

Интересно. Эта девочка порой излишне импульсивна, но молодому господину она безумно нравится. После этого интерес юноши к Чжао Цзинъань возрос еще на несколько пунктов.

— Эта барышня абсолютно права! Дядя Чжао всю жизнь совершал благородные поступки, оставив после себя мир в цзянху и легенду о героях, при одном слышании которой в сердце рождается благоговение. Если мы будем лишь предаваться скорби и упустим передающуюся из поколения в поколение рыцарскую тропу, разве это не значит, что мы недооцениваем дядю Чжао и саму рыцарскую честь?

Все согласно закивали. Проследив за звонким голосом, Чжао Цзинъань увидела живую девушку в розовом платье. Ровесница Чжао Цзинъань, шестнадцать лет от роду, она выглядела исключительно прелестной и миловидной. На поясе у неё висел изящный тёмный меч: хотя лезвие не было обнажено, судя по искусно выполненным ножнам, Чжао Цзинъань могла с уверенностью сказать, что это оружие — далеко не обычная вещь.

— Верно! Недавно в Долине Хаожань построили новое поместье — Усадьбу Лунный Лавр, куда пригласили полюбоваться героев и знатных отовсюду. Мы прибыли со всех концов света не только для того, чтобы выразить почтение главе долины Чжао и главе союза Чжао, но и — хе-хе-хе — чтобы в первую очередь воочию оценить изящество и красоту Усадьбы Лунный Лавр! — подал голос крепкий мужчина.

Все тут же заговорили наперебой, и вокруг стало шумно и оживленно.

— Ха, говоришь так, будто ты большой знаток прекрасного, или тебе тоже пришло приглашение?

— Эй, так нельзя говорить! Даже без приглашения — если не удастся посмотреть на Усадьбу Лунный Лавр во время её первого открытия для гостей, это вовсе не значит, что нельзя будет увидеть её позже. Я вот могу и подождать.

— Глядишь, пока ты ждёшь, настоящие усадьбы Лунный Лавр, построенные повсюду в нашей Династии Шэн, поступят в свободную продажу.

— Поступят в продажу — и отлично! Смодишь, среди тех, кто их купит, окажется кто-нибудь из знакомых вашего покорного слуги, так я прямиком туда отправлюсь, поглазею, да поживу парочку дней — ах, блаженство!

— Тц-тц, какой же ты оптимист, но вот я никак не возьму в толк: где же ты собираешься найти знакомого, обладающего достаточными средствами, чтобы купить поместье, возведенное Долиной Хаожань?

— Ты...

— Дай-ка угадаю, не в... сне ли?

Недавно завершённое строительство новейшего поместья Долины Хаожань — Усадьбы Лунный Лавр — сопровождалось рассылкой множества приглашений. Известных людей из столицы и цзянху пригласили заранее оценить новинку. Всего планировалось выпустить ограниченную серию из пятнадцати комплектов, символизирующих воссоединение, и со дня на день поместья должны были официально поступить в продажу в цзянху. Кто мог остаться равнодушным?

Толпа весело смеялась, но у Чжао Цзинъань возникли кое-какие сомнения.

— Поместья, построенные Долиной Хаожань, стоят особенно дорого?

— Девица, ты ведь, верно, вечно сидела дома, а в цзянху выбралась недавно, вот и... ик... не знаешь... — Чжао Цзинъань опешила. Волна сладковатого и чистого водочного аромата окатила её ухо, и щеки мгновенно вспыхнули алым, заставив её обернуться.

В поле зрения попала безупречно белая рука. Несмотря на изящные пальцы, она держала Стекланную Тыкву-Горлянку для Вина. Через полупрозрачное стекло смутно угадывалось покачивающееся внутри кристально чистое вино, сиявшее словно нектар и роса, ослепительно переливаясь в унисон с этой нефритовой рукой. Чжао Цзинъань мысленно удивилась: что за девица-пьянчужка? Переведя взгляд чуть выше, она увидела светло-желтое платье и раздумывавшееся лицо: девушка слегка склонила голову набок, словно опьянев, и мягко, едва заметно улыбалась ей.

На вид желтоплатея девочка была совсем юной, с пухлым круглым личиком. Если бы не изящный заостренный подбородок, Чжао Цзинъань невольно вспомнила бы те сладкие мучные пампушки, что часто лепили дома — такие же милые и наивные. Из-под чёлки, прикрывавшей брови, выглядывали абрикосовые глаза. Изначально они были круглыми, но сейчас были слегка опущены и затуманены. Видимо, из-за выпитого вина в них блеснул влажный туманный свет, в котором отражалось ошеломлённое лицо Чжао Цзинъань.

— Долина Хаожань проектирует и возводит жилые усадьбы уже несколько десятков лет. Спроси кого — разве найдется хоть один дом или поместье, которые не отличались бы уникальным стилем и душой, разве хоть одно из них не является редкостью в этом мире, которой каждый жаждет владеть? — желтоплатя девушка снова закинула голову и сделала глоток вина, а затем с досадой улыбнулась. — Но беда в том, что заполучить их — тысячекратное испытание, а чтобы хотя бы взглянуть разок, нужна особая судьба. Подумать только, найдется ли кто-то, кто не захотел бы жить в прекрасном поместье? Если бы у вашего покорного слуги однажды оказалось достаточно денег, я непременно скупил бы все жилые

усадьбы и поместья, построенные Долиной Хаожань, и меняла бы по одному в месяц, чтобы исполнить заветное желание... ик...

Чжао Цзиньань еще не успела полностью переварить слова назвавшей себя «твоим покорным слугой» девушки в желтом, как толпа вокруг снова зашумела: судя по всему, эта девчушка озвучила заветные тайные мысли многих присутствующих.

— Эй, малышка, судя по твоим речам, ты перевидала немало усадеб, построенных Долиной Хаожань? — с усмешкой сложил руки на груди мужчина со шрамом на лице, наблюдая за происходящим словно за представлением. — Но на вид тебе от силы лет четырнадцать-пятнадцать. Такая кроха, а рассуждаешь так, будто уже собаку съела на делах цзянху. Из каких ты краев будешь, а? Хватит ли у тебя опыта и стажа, чтобы рассуждать о покупке недвижимости?

— Хи, а кто устанавливает правила, что в юном возрасте нельзя стремиться к усадьбам, построенным Долиной Хаожань? — сладко улыбнулась девушка в желтом, слегка покачивая стеклянную тыкву и грациозно двигаясь. — И какой же это выдающийся старший судит о человеке по его возрасту и стажу? К тому же, с давних времен, чтобы получить желанную вещь, нужно во-первых — искреннее сердце, а во-вторых — равноценный обмен. Усадьбы, возведенные Долиной Хаожань, требуют, конечно же, и счастливого случая, и денег. Если следовать твоей логике... братец-знаток цзянху, неужто всё нужно добывать грабежом?

— Ха... — едва девушка в желтом закончила фразу, как Чжао Цзиньань невольно тихонько усмехнулась. Цзянху оказалась поистине бурным и широким новым миром. Раньше она ничего об этом не знала, и хотя любопытство переполняло её, оно оставалось лишь любопытством. Но в последние дни она находила это место чрезвычайно забавным, и, вернувшись в особняк генерала, непременно расскажет об этом отцу и матери.

Средневековый книжник с бородой погладил ее и спросил:

— О, похоже, барышня и вправду истинная ценительница. Не подскажите, какая же усадьба милее всего вашему сердцу?

Девушка в желтом слегка запрокинула голову, её нежные пальцы постукивали по подбородку, а тёмные глаза искрились мельчайшими искрами. Не прошло и мгновения, как она с озорной улыбкой ответила:

— Любое из поместий Долины Хаожань неповторимо, каждое бесчисленное множество людей считает сокровищем своего сердца. Кто-то любит лишь одно конкретное место, а кто-то непостоянен и любвеобилен, как ваш покорный слуга, — люблю их все и хочу прижать к сердцу каждое, держать всегда при себе!

Удивленная Чжао Цзиньань спросила:

— Неужели твоя любовь ко всем усадьбам совершенно одинакова, без малейшей разницы?

Девушка в желтом повернулась к Чжао Цзинъань и с улыбкой произнесла:

— Маленькая героиня, ты сначала дослушай, что скажет твой покорный слуга.

— Хорошо, прошу, — смущенно отозвалась Чжао Цзинъань. В её душе тоже зарождалось любопытство к этой самоуверенной девице, но в странствиях по цзянху женщины, пожалуй, и впрямь бывали куда более прямолинейными и смелыми.

Девушка в желтом продолжила:

— Если говорить о самых прекрасных пейзажах, то равных нет Докам Персиковых Цветков: невзирая на день и ночь, смену времён года, холод или тепло, персиковые цветы неизменно цветут, а хозяин наслаждается ими вволю.

Чжао Цзинъань удивилась:

— Неужели существуют персиковые цветы, что не зависят от холодов и смены времён года?

— Обычные персиковые цветы, конечно, не могут цвести так, — пояснила девушка в желтом. — Но каждое дерево здесь возвращено силами Царства Долголетия. Стоит цветам хоть чуть-чуть начать увядать, как люди из клана Жаньши в Царстве Долголетия тут же отправляют мастеров для их осмотра, ухода и даже замены — и так до бесконечности!

— Царство Долголетия?

Ленивый голос благородного юноши донесся сквозь марлевые занавески:

— Обитающие там люди из клана Жаньши посвятили всю свою жизнь выращиванию растений из поколения в поколение. Почва, температура и прочие условия там идеально подходят для изучения и культивации флоры, это поистине священная земля растений. В цзянху даже ходят слухи, что травы долголетия растут именно там.

Чжао Цзинъань протяжно произнесла «о» и медленно кивнула.

Девушка в желтом продолжила:

— Пейзажи Доков Персиковых Цветков прекрасны, а настроение в Уголке Знающих Звезды — поистине непревзойденное. Звездное небо Северного Ковша и звёздное море Волн Звездного Моря создают ощущение, будто Млечный Путь перевернулся, и бесчисленные звёзды погрузились в самую глубину лазурного океана. Обрести Уголок Знающих Звезды — всё равно что владеть целым звёздным небом и морем.

С этими словами девушка в желтом слегка замерла и опустила взгляд.

Чжао Цзинъань заметила:

— Я слышала, что Северный Ковш подчиняется императорскому двору, искусчен в расчетах и астрологических предсказаниях, храня учения Чжоу И. А что насчет Волн Звездного Моря? Моя семья очень любит рыбу, креветок, крабов и прочие дары моря, что привозят оттуда.

Девушка в желтом справилась с эмоциями, её лицо озарила улыбка, и она показала кончик языка:

— Если ты хоть раз побываешь на Волнах Звездного Моря и увидишь те морские просторы, то поймешь, что даже жирные и сочные царские крабы или тающий во рту фугу по сравнению с ними — лишь сущая малость. У меня в любимцах также Нефритовая Мастерская Белого Камня, построенная в сотрудничестве с Сектой Меча Чунъюань, и Понтон Возвращения, второй партнер по которому до сих пор держится в секрете, — добавила она. — Но больше всего твой покорный слуга обожает Беседка Слушающего Вино. Слушать, как сваренный в Обитель Развеивания Скорби родник прозрачной струйкой журчит по бамбуковым желобам, чувствовать на губах ароматное и крепкое вино... Желаете лишь никогда больше не просыпаться! Поистине — высшее наслаждение в жизни!

Средневековый книжник улыбнулся:

— Барышня назвала поистине знаменитые усадьбы Долины Хаожань. Но я во многом всё же расхожусь с вами во мнениях, милая девица. Коридоры Яньси, созданные совместными усилиями Павильон Небесных Замков, полны тысячи хитроумных механизмов, изгибаются и петляют, оттеняя движение покоем. словно тушь для живописи гохуа, сотворённая самой природой, — потрясающее зрелище. И уж поверьте, летящие на юг ласточки не только не смогут оттуда вылететь, но, пожалуй, и не захотели бы покидать это место, ха-ха-ха...

Чжао Цзинъань же необычайно заинтересовалась именно Коридорами Яньси. В сражениях и убийстве врагов неизменно требовалось знание военных построений, а в сочетании с механизмами это становилось не только непреодолимым препятствием, но и мощнейшим средством обороны. Вот только... Она заметила, что девушка в желтом вдруг перестала быть такой оживленной, крепко закусила губу и горько усмехнулась.

Коридоры Яньси, конечно, великолепны, только... боялась она, что стоило лишь войти туда, как ей уже не захотелось бы оттуда уходить.

Заметив странное выражение лица девушки в желтом, Чжао Цзинъань хотела было расспросить её, но не знала, с чего начать, как вдруг от входа в Долину Хаожань раздался звонкий голос:

— Благодарим всех за ожидание! Классические образцы жилых усадеб прошлых лет полностью завершены. Все они созданы руками ста восемнадцати учеников Клан Жаныши. Приглашение или его отсутствие не имеет значения — каждый здесь гость нашей Долины Хаожань, и любой может первыми оценить их по достоинству. Это лишь малая благодарность всей Долины Хаожань тем, кто удостоил нас своим визитом.

Едва стихли эти слова, как в толпе то тут, то там стали раздаваться восторженные и радостные возгласы. Даже те, у кого не было приглашений и кто пришёл просто попытать удачи за

компанию и поглазеть на происходящее, успевали насладиться прежними образцами жилых усадеб. Пусть это были лишь макеты и имитации, но искреннее намерение и отношение Долины Хаожань заслуживали стопроцентного, даже миллионпроцентного доверия и признания.

У входа в Долину Хаожань стояли двое прекрасных подростков — юноша и девушка лет тринадцати-четырнадцати. Юноша был одет в белоснежные одежды, выглядя наивным и милым, а девушка — в розовато-оранжевое платье, чистосердечную и непосредственную. Юноша медленно опустил руки, сложенные в приветственном жесте перед грудью, и вместе с девушкой синхронно приглашающе взмахнул рукой. Несмотря на юный возраст, держались они безупречно и с большим достоинством.

— Прошу всех.

Облака и туман у входа в Долину Хаожань постепенно рассеялись, едва приоткрывая скрытый внутри сказочный уголок, извивающийся и петляющий словно во сне.

— Вот это и есть Коридоры Яньси, — глядя на долину, тихо произнесла девушка в желтом. — Ради этой выставки прошлых шедевров усадеб они действительно приложили немало усилий.

<http://bllate.org/book/19522/1913970>